«Те, для кого главное – христианская идея, остались. Это и есть настоящее золото».

Ювелир Михайлов о тех, кто сегодня покупает драгоценные украшения

8 ноября 2019, 18:10 4 660

Православный ювелир Владимир Михайлов рассказал «Фонтанке» о ювелирных пристрастиях петербургских элит, сотрудничестве с Федором Конюховым, а также о том, что искали в «Галерее Михайлов» члены королевских семей Европы и Азии.

– Вас называют «новым Фаберже». Согласны с таким сравнением? Что у вас общего, кроме драгоценных пасхальных яиц в коллекции?

– Несомненно, мне приятно сравнение. Карл Фаберже для меня личность недосягаемая, и я бы даже сказал – мистического порядка. Его творчество меня всегда захватывало, всегда вдохновляло. А скрупулезность проработки, деталировка, концентрация, минимализм в подаче идеи, использование символов близки и моему подходу.

– Клиентами Фаберже были императорская фамилия и представители высшего дворянства. Нынешние российские элиты сохраняют интерес к ювелирным изделиям с религиозной символикой?

– Представители власти – одни из преданных почитателей моего творчества, тем более в сегменте драгоценных металлов. Знаю, что есть спрос, что на великие праздники делают покупки для подарков в наших салонах.

– Какие самые интересные и необычные заказы вы получали от петербургских политиков, чиновников? С приходом новой команды в Смольный как-то изменились предпочтения?

– Заказы — весь мой диапазон от крестов и яиц пасхальных до колец. Все довольно традиционно. Сережек для пирсинга не просят *(смеется)*. Пожалуй, оригинальных заказов больше от людей из мира искусства. Например, как-то актёр Александр Галибин под впечатлением от посещения Александро-Свирского монастыря попросил сделать крестик с образом Александра Свирского. Я загорелся, сделал, но никак не могу подарить, он все время где-то на гастролях.

– Среди ваших клиентов представители испанских и японских королевских домов. Что заказывают они?

– Они не заказывали, а просто брали то, что было в магазинах. Это рядовые работы – иконки маленькие, крестики, ангелы-хранители. Когда я их делал, даже на ум не приходило, что королевские особы соблазнятся, снизойдут. Думаю, здесь сыграла роль ностальгия по прошлому России. Я же сохраняю традиции, а не работаю в новых стилях.

– Вы начинали путь ювелира с резьбы по камню и возродили утраченную новгородскую технику мелкой пластики. Но сейчас, судя по ассортименту в ваших салонах, большую часть коллекции занимают изделия из драгоценных металлов. Почему переключились?

– Переключение на металлы – плод нашего содружества с Михаилом Сасонко *(основатель «Галереи Михайлов» и Ювелирного дома «Сасонко», работает с Владимиром Михайловым с 2008 года. – Прим. ред.)*. В этом плане возможности у меня возросли многократно, но и возросла ответственность. Почитателей стало намного больше. Изделия стали выпускаться большим тиражом и стали более доступными. Но камень все равно тянет, это философия, это как камертон для музыканта.

– Ювелирный рынок в России переживает не лучшие времена. Драгметаллы дорожают, спрос в массовом сегменте сокращается. Состоятельные потребители все чаще предпочитают демонстрировать свое положение с помощью дорогих гаджетов, нежели украшений. Вас коснулась эта тенденция?

– Спрос, конечно, влияет и на тиражи, и на материалы. Но если я начну думать об этом – прощай творчество. Главное для меня, чтобы было красиво. А из чего сделано, не важно, — хоть из глины, хоть из-под ноги возьму камень и сделаю так, чтобы он драгоценным стал.

Я придумываю дизайн, делаю модель в пластике, а команда, которая занимается коммерческой частью, решает, как и в каком количестве это воплотить. Алюминий, сталь или золото – это уже не мое дело. Я могу только сказать по цвету — это из теплого, это из холодного металла лучше. Остальное меня не интересует.

– В вашей новой коллекции много цветочных и растительных мотивов. Значит ли это, что религиозные сюжеты стали пользоваться меньшим спросом?

– Христианская символика тесно связана с природной. В откровениях, притчах упоминается и лоза виноградная, и клевер. Кого-то клевер интересует как клевер – и ботаникам жить надо. Но если кто-то видит в этом символ — это прекрасно вдвойне.

Что касается религиозной символики в ювелирном искусстве, может быть, это оскомину и набило. Из моего леса мне это не заметно *(Владимир Михайлов живет в городе Боровичи в Новгородской области. – Прим. ред.)*. Но я считаю, что хорошо, что показное ушло. Те, для кого главное – христианская идея, остались. Это и есть настоящее золото. А моду сейчас ищут снова в индусах, следующие, наверное, пойдут папуасы.

– А вы готовы работать с такими заказчиками?

– Нет. Слава богу, я состоялся как православный художник, как меня посвятили в иконописцы, я таким и остаюсь.

– Покупая ювелирные изделия, люди хотят себя украсить и продемонстрировать свой достаток. Но ведь религия не слишком одобряет такое проявление тщеславия?

– На одну и ту же проблему можно посмотреть с разных сторон. Например, протестанты четко делят мир на черное и белое: есть бог, а есть дьявол, а более ничего. Но ведь в Библии сказано: Бог создал мир и увидел, что это хорошо, что это красиво. Так же и мы должны видеть эту красоту, не надо ограничивать себя в этих чувствах. Православие нередко обвиняют в излишней роскоши. Но то, что батюшки ходят в красивых облачениях – они же Богу служат, а не для себя. Так же и о цветах можно сказать – зачем они цветут так красиво.

– Чем вы вдохновляетесь в процессе создания новых коллекций? Учитываете ли какие-то маркетинговые тренды, следите за выставками?

– Каждый месяц я создаю 1–2 новых изделия. Иногда это реплика старой работы, которую я когда-то делал и теперь появилось желание осветить ее по-новому. Иногда источником вдохновения становится случайное впечатление. Например, недавно еду в метро и смотрю: сережки у девушки красивые, такое изящество. Но очки надел – и такая ерунда и посредственность оказалась. Но творческий импульс это дало. Недосказанность, а в данном случае недоуведенность, дает плод для фантазии.

Выставки я посещаю только для того, чтобы не повториться. Если я вижу распаханное поле, зачем я буду копаться в нем? Другое дело – антикварные салоны. То, что отсеяно временем, можно взять за эталон.

И, конечно, когда попадается покупатель с достаточно изысканным вкусом, хочется угодить, доказать, что и ты не лыком шит. Например, сделать венчальные кольца в виде тернового венца – как символ того, что не надо обольщаться свадебным процессом, что [совместная] жизнь – это достаточно тяжелый путь.

– Такие кольца пользуются спросом?

– Это я пока не сделал, это идея.

– Помимо ювелирных изделий вы создаете монументальные произведения. Например, крест, который путешественник Федор Конюхов хочет установить на дне Марианской впадины. Собираетесь продолжить кооперацию?

– Я еще создал стелу для Федора Конюхова. Когда во время последнего путешествия в самые страшные дни его мотало в океане, как в мясорубке, я делал эту модель. Он мне говорит: «Володя, молись». А я молиться не умею, я умею делать.

Последняя моя работа для него – икона святителя Николая, она уже отлита в бронзе и будет частью скульптуры, которая будет воздвигнута в часовне на мысе Горн.

Но у отца Фёдора планы возникают на ходу. Это авантюрист в лучшем смысле этого слова. Образ его мышления, жизни заражает рядом живущих. Мне достаточно один-два раза в месяц побывать у него в мастерской, что-то поделать вместе. Он рисует, лепит параллельно, часовню строит: кирпичи положит, раствор замесит. Постоянно идет творческий процесс. А в конце получается законченная работа с изумительным эффектом свежести.

– У вас на сайте размещено благословение от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, а также рекомендация от Санкт-Петербургской епархиальной комиссии по архитектурно-художественным вопросам. Это своеобразный знак качества для ваших клиентов?

– Нет, это больше для себя. Это осмысление. Потому что без благословения ничего не будет, все умрет. Можно сделать вопреки, но это все забудется и никому не надо будет.

Беседовала Галина Бояркова,